

Золотов В.И., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Россия

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ «БАСТАРДНОГО ФЕОДАЛИЗМА» В ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Очерк представляет попытку осмысления названного концепта и реальности, стоящей за ним. Прослеживается история понятия, его содержания, оценивается релевантность традиционного политико-правового подхода в контексте научно-теоретического уровня современного исторического поиска. Обосновывается плодотворность предлагаемой источниковой основы анализа. Используя правовые акты, автор исследует реалии повседневности социального противостояния в английских графствах. Палата общин в XIV-XV вв. пытается регулировать практику применения закона о ливреях в контексте борьбы с произволом магнатов на местах, в желании обеспечить эффективное функционирование администрации графства, совершенство выполнения законов о выборах депутатов парламента. Последовательно анализируются этапы юридической практики борьбы с нарушениями антиливрейного законодательства. Она сводится к максимальному ограничению сложившейся традиции игнорирования магнатами правового порядка осуществления полномочий судебной-административной власти в графстве. Определяется характер конфликта социальных интересов основных социумов страны. По существу, речь идёт о противостоянии интересов джентри, лордов и королевского Совета кануна формирования элементов абсолютистской власти, зарождающихся основ сотрудничества короны и джентри, когда в обществе складываются новые представления о месте и роли королевской власти, новая идентичность основных социальных групп. Критически оценивается концепция универсальности отношений на основе «bastard feudalism» для позднего средневековья, игнорирование всего многообразия вертикальных и горизонтальных связей в обществе, их механизмов и содержания.

Ключевые слова: ливрея, «bastard feudalism», джентри, графство, законы о выборах, управление в графствах.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-04-84-94

Введение. Концепт «бастардного феодализма» привлёк внимание отечественных историков-англоведов в 70-х годах прошлого века в силу ряда обстоятельств теоретико-методологического характера. В те времена изучение истории островного королевства в незначительной степени определялось наследием политико-правового подхода, унаследованного от британской историографии XIX с её «Конституционной историей Англии» У. Стэббса. В историческом сознании учёного сообщества гуманистов судьба английского королевства убедительно подтверждала марксистскую доктрину о рубеже XV-XVI вв. как времени начала «разложения феодализма», конца средневековой эпохи. Угасание в сеньориально-вассальных отношениях, основе политической системы средневековья, значения земельной собственности интерпретировалось как невосполнимая потеря лордами страны властных полномочий. Такой тренд развития гармонично вписывался в контент «образцовой» модели перехода Англии к обществу Нового времени при всём своеобразии английского варианта, описанного в 24 главе «Капитала». Развитие исторической науки к началу

нынешнего столетия, ряд исследований последнего времени актуализирует тему данного понятия и стоящего за ним феномена.

Объект и методы исследования. Впервые это довольно нелицеприятное понятие использовал Ч. Пламмер в 1885 г. в введении к одному из изданий сочинения Д. Фортеस्कью «Governance of England» [25]. Историк использовал термин применительно к эпохе Эдуарда III, назвав её временем «псевдорыцарства» и коснувшись главным образом этической стороны феномена. В настоящее время главной чертой «незаконнорожденного феодализма» принято считать отсутствие жёстких наследственных и поземельных связей сеньора с вассалом, замена их «контрактными» отношениями между хозяином и слугой [15, с. 93]. Так, У. Дэнхем считает, что денежные выплаты уже в течение XIV в. вытеснили землю как звено между лордом и его вассалами [24]. По определению Э. Кэм, связи между лордами и вассалами остаются, но в новых условиях первым отличительным признаком становится то, что связь лордом и вассалом не обеспечивается землёй [21]. В основе отношений между лор-

дом и слугой уже не лежат поземельные отношения в какой-либо форме [32, p.161]. Необходимо отметить условность термина «незаконнорождённый феодализм». Поиск феодалами средств существования хотя и шёл помимо развития хозяйства (за пределами поместья), но в рамках того же феодального общества.].

Названные отношения оформляются в виде договоров, контрактов (*indenture*). Первые такие договоры датируются концом XIII в. Первоначально их необходимость была вызвана войнами, которые велись английскими королями в конце XIII - начале XIV вв. в Шотландии, Уэльсе. Чтобы иметь необходимое число вооружённых солдат, за военную службу стали платить [32, p.162]. В договорах тех лет мелочно регламентируются сроки договора, вооружение, амуниция, условия содержания людей, коней. Ю.И. Писарев в кратком обзоре проблем этого феномена, сделанном в упомянутой статье, допускает обусловленность распространения денежных «контрактных» феодалов XIV в. стремлением лордов убрать «лишних» субдержателей из вассальной цепи, дабы избежать потери земли вследствие субституции, возможность которой предусматривал статут *Quia Emptores* 1290 г.[15, с. 96].

С конца XIV- в XVвв. *indenture system* получает новое развитие. В исследованиях Е.А. Косминского эволюция товарно-денежных отношений, разложение феодальной хозяйственной системы ведёт к тому, что в Англии появляется всё больше людей, которые оказываются вне привычных, традиционных связей феодального общества. Из числа владельцев земли «вымывается» часть дворянства (либо они сохраняют небольшие остатки своих владений), разоряются различные категории держателей земли, в том числе и крестьяне. К этому следует добавить оставшихся не у дел ремесленников, других городских жителей. Новые формы хозяйствования не могли поглотить всех их, какая-то их доля сама не желала менять свои занятия и привычки. Эта часть населения составляет немалый контингент тех, кто ищет новых средств существования и сильных покровителей, которые могли бы предоставить им необходимое. Таковых они находят в лице лендлордов. В этих условиях «особое значение получает власть над людьми, не

столько над крестьянами, которых нельзя заставить платить повышенную ренту, сколько над вооружёнными людьми, которые являются источником и силы, и влияния, и военной добычи». Значительное количество полу-деклассированных элементов из обедневших дворянских семей, другие категории населения заключают с магнатами «контракт». Так формируются вооружённые свиты, которые являются не просто непременным атрибутом магнатской власти. Они выполняют роль инструмента аристократии, являясь одним из проявлений отмеченной Е.А. Косминским борьбы за землю и ренту внутри класса английских феодалов [11, с.72; гл. VI]. Члены свит были верными исполнителями воли хозяина. Основной заповедью каждого ливрейного слуги было «любить то, что любит господин, ненавидеть то, что он ненавидит» [21, p. 225].

Своих ливрейных слуг хозяин использует многообразно. Помимо обладания в качестве вооружённой силы в борьбе с соседями за землю, лорд насаждал своих слуг в органах управления на местах, что обеспечивало безнаказанность творимого им произвола, прикрывало в судебных тяжбах и конфликтах. Слуги выступали под покровительством магната как инициаторы долгих и запутанных судебных тяжб в пользу хозяина. Благодаря системе контрактов, лорды парламента доминировали в палате общин, сажая здесь своих людей. Мощь лордов теперь держалась не столько на значительных богатствах (этот источник оскудевал), сколько на широком развитии системы ливрейных дружин.

Освящая традицию владения свитой, государство в то же время практически не имело возможности контролировать в том или ином случае законность использования ливрей, порядок набора её членов, законы 1390 и 1427 гг. отмечают нарушение этих условий [10, с. 208-209]. Государство было бессильно против такой практики. Все эти обстоятельства вели к анархии в графствах, когда «за хозяина новые вассалы готовы биться даже против короля, даже против закона» [11, с. 59-76].

Расцвет этих отношений пришёлся на ланкастерский период. Результаты воздействия «*bastard feudalism*» оцениваются по-разному. Э. Кэм полагает, что «лорды больше всего выигрывали от этой системы [21, с. 225].

Часть историков считает, что подобные отношения расшатывали социальную структуру английского общества [29, р. 424; 21, р. 225]. Другие авторы, более поздние, утверждают, что такие отношения скорее стабилизировали общество [28, р. 3; 35, р. 168; 30, р. 180].

Результаты и их обсуждение. Современники не знали такого понятия, проследить историю его феномена непросто. Прямые свидетельства реальности, стоящей за ним, не многочисленны [3, р. 4. Хроника сообщает, что герцог Глостер, дядя малолетнего Генриха VI, обладал свитой из 300 «друзей», часть которых была «немцами»]. Фактически единственным полноценным источником по этому вопросу являются правовые документы, они могут сказать гораздо больше. Несомненно, «бастард феодализм», как он описан в литературе, был воплощением определённой коррозии общественной организации страны. Анализ правового регулирования такой деструкции поможет лучше понять, что в действительности стоит за этим термином.

Юридическая практика того, что с конца XIX в. носит столь хлёткое название, родилась, очевидно, в ходе попыток регулирования королевского законодательства о ливреях. Первым шагом такой политики можно считать закон о ливреях 1390 г. Об этом говорит и М. Хикс [27, р. 15]. "Ни герцог, ни граф, ни барон, ни баннерет» [Баннерет – «опоясанный мечом» рыцарь, выделяющийся своим состоянием среди других рыцарей и имеющий право на квадратный штандарт (bannier) вместо обычного треугольного значка на древке копья [См.: 14, с. 63; 15, с. 89.] не имеют права брать в ливрею «рыцаря или сквайра, если он не нанимается на срок своей жизни» (for the Term of his life) или если нанимаемый «не знаком и не известен ближайшему окружению хозяина» (or unless he be a Domestic and Familiar abiding in his Houshold) [38, р. 74-75. Далее - SR]. Таким образом, существенным, если не главным условием формирования такой свиты становится статус хозяина ливреи (не ниже «благородного» рыцаря, то есть прошедшего особую процедуру посвящения в рыцарский ранг). Членами ливреи могут стать обладатели статуса не ниже сквайра и на условиях пожизненного контракта. Очевидно, в ливрею могут войти и лица рангом ниже сквайра, не являющиеся

джентри, однако они должны быть из ближайшего окружения хозяина (возможно, входящие в его хаусхолд).

На парламенте 1429 г. очередной билль ужесточает условия формирования ливрей. Он запрещает их комплектование просто рыцарям и лицам более низкого сословия [38, р. 240]. Свидетельство вольной трактовки закона 1390 г.? Этот же билль признаёт, что лорды, то есть хозяева свит, нарушают законы о ливреях и требуется наказывать лордов «так же, как наказываются рыцари и другие лица меньшего ранга» [38, р. 241]. То есть речь идёт о незаконных ливреях. Однако авторы билля вынуждены признать, что судьи не могут обвинить нарушителей, судебных чиновников, из-за «великой поддержки» (магнатов – В.3.), оказываемой местным судьям [38, р. 240]. Названные законы становятся более понятными вкупе со свидетельствами коммонеров о давлении ливрей на судебный аппарат в графствах, в которых проходят выборы членов нижней палаты. В 1407 г. общины жалуются на нарушения (undue) в выборах рыцарей графств в парламент, чему содействуют шерифы. В законе 1410 г. конкретизируются наказания для шерифов в случае злоупотребления своими полномочиями [38, р. 156, 162].

Эти примеры показывают обыденность того порядка, которым в немалой степени определяется существование свит по найму. Их состав, цели использования, степень активности диктуются конкретной ситуацией обращения к такому рычагу воздействия хозяев свит. Жалобы на деятельность свит являются реальностью повседневности. При этом, напомним, ливрейные свиты правомочны, освящены королевским законом.

Очевидно, следует согласиться с английскими историками – то, чему в конце XIX в. дали название *bastard feudalism*, для современников было отклонением от правовой нормы, её нарушением. Феномен, пускай косвенно, убедительно зафиксировали тексты статутов, в которых так или иначе говорится о ливреях, он признаётся «частью привычной ткани [общества], <...> скрытой структуры общественной организации» [22; 20, р. 7].

Статуты о ливреях и нарушениях их практики существования высветили многие проблемы изучения данного явления. До сих пор в историографии не сложилось общего

представления о его хронологических границах, однозначного толкования. М. Хикс говорит о незнании нами всех обстоятельств формирования соответствующих законов в палате общин. Закон 1390 года, очевидно, первый в их ряду, содержит, по мнению историка, три варианта интерпретации его содержания. Он рассматривается как решительная попытка джентри ограничить злоупотребления лордов, но частично выхолащенная; как попытку коммонерами обрести всевластие по вопросу о ливреях; как одна из попыток королевской власти положить конец незаконной практике найма свитских.

До сих пор не изучены контексты принятия данного закона, результаты его применения частично и в целом [27, р. 15; 20, 127ff; 5, с. 214-216]. По мнению А.Г. Праздников [16, с. 72-78], именно «бастардный феодализм» привёл к формированию ливрей крупных феодалов, которые стали основой враждующих армий во время Войн Роз» [16, с. 73]. В таком случае, началом данного феномена можно считать фьеф-рентные отношения, они тоже не требовали земельного ресурса. Феномен заявил о себе, стал частью социальной жизни, очевидно, в законодательстве, связанном с нарушениями законов королевства на уровне графств страны. Д. Беллами в упомянутой книге говорит прежде всего о нарушениях законов на местах, давлении на местное судопроизводство, шерифов, на процесс упорядочивания их формирования и использования, но не о феномене как таковом. Включая феномен «бастардного феодализма» в отношения на основе indenture system, упомянутый отечественный автор опускает огромное разнообразие типов сотрудничества, которые выходили за пределы строго фиксированных патронажно-клиентальных связей, ограничивает многообразие механизмов таких связей. Следует заметить, что представление о вассалитете сложилось в те историографические времена, когда за Средними веками отрицали политическую власть и всякое понятие о публичности. Ещё с начала XIV в. в Европе начинается ускоренное развитие правовой теории, переход от разноречивого обычного права раннего Средневековья к более унифицированному профессиональному правоведению последующих столетий. Профессионализм правоведов стремился рационализировать хитросплетения обычного права,

оформить их в более или менее согласованные между собой правила [4, с. 25-32; 18, с. 8-57]. Стереотип феодально-вассальных отношений по сей день мешает в полной мере оценить публично-правовые основы общественной жизни Средневековья.

Если желать продвинуться в понимании сути дела, надо оставить слово «вассалитет», под чьей вывеской проходят несопоставимые типы отношений между правителем и подданными, патроном и клиентом, землевладельцем и держателем, нанимателем и слугой, военным предводителем и солдатом. Вместо термина, за которым не стоит какой-то универсальный принцип, плодотворнее изучать конкретные механизмы межличностных и коллективных отношений и ценностей. В широком спектре служб играет роль не материализующаяся идея вассалитета, а статус сторон, социальная дистанция между ними и то, что им друг от друга нужно. Только юристы XVI-XVIII вв., в особенности те из них, кто специализировался на изучении феодального права («февдисты») придали вассально-ленным отношениям стройность и чёткость, который они раньше не имели [4, с. 25,30], конвенциональное звание.

Картина многочисленных связей, сложившаяся в историографии социальной истории королевства позднего Средневековья, подтверждает существование «несопоставимых типов отношений» сторон некоего соглашения, основанного на других принципах и ценностях. Чувство долга, ответственности, родственные и соседские связи, личных симпатий, взаимопомощь, многое другое подобное, и не скреплённое никакими письменными обязательствами [6, с. 5-17, 28-38; 9, с. 213-217; 2, с. 35-82].

Несомненно, Праздников в названной статье упрощает картину феодальных связей позднего Средневековья, фактически сводя их от сеньориально-вассальных отношений к отношениям в рамках «бастардового феодализма». На первый план, в том числе в реальности того времени, выходят, повторюсь, конкретные механизмы межличностных и коллективных отношений и ценностей, в широком спектре служб играет роль не материализующаяся идея вассалитета, а статус сторон, социальная дистанция между ними и то, что им друг

от друга нужно. Чего одного стоит состав «концентрирующих кругов», расходящихся от лорда, властвующего в том или ином графстве, представленный Е. Браун [2, с. 35-82]. Наш автор смешивает разные по содержанию и характеру процессы, не пытаясь строго обосновать «технологии» социальных связей в обществе. Едва ли оправдано столь категорично выводить анализируемый феномен только из практики существования ливрей [16, с. 73].

В созданной им панораме торжества феномена наш автор не дифференцирует место и роль разных акторов в той или иной конкретной ситуации. Ссылаясь на вышеупомянутую статью М. Хикса, он продлевает существование феномена до эпохи Тюдоров и ранних Стюартов, ставших «временем позднего «бастардного феодализма», который, в сущности, мало чем отличался от своего «классического» варианта» [16, с. 74]. Очевидно, названный автор не учёл информации, представленной Д. Россом в своей статье, и которую упоминает [16, с. 76]. Её содержание только о родовитой аристократии и ни о чём другом [37, р. 1027-1059].

Право на рыцарское звание и более широко – на титул вообще никогда не считался в Средние века как безусловно принадлежащий человеку от рождения. Оно целиком зависело от воли короля и от прохождения через соответствующую процедуру возведения или вступления в наследственные права. Только со временем традиция такого возведения и титула становится наследственной. Очевидно, возможность подданных владеть такими титулами-должностями по наследственному праву продуцировала высшую или титулованную знать [17, с. 77]. Родовитая верхушка общества и в позднее Средневековье продолжала хранить верность такой духовной ценности былых времён, как «честь», возведение в рыцарский ранг, краеугольному камню аристократической культуры [3, с. 247-253; 13, с. 312-313]. Представление лордом от имени короля рыцарского статуса за заслуги военной службы давно исчезли, рыцарское держание сохранялось, но представление о том, что владение землёй и «манором» дарует статус и «честь», сохранялись, они были важны. Продолжалась традиция омажа, суда равных (honorial courts), вымо-

рочные права, помощь вассала в трёх известных случаях, пышные церемонии с большим количеством гостей, знатных свидетелей. Посвящение в рыцарское достоинство оставалось важным элементом аристократической культуры позднего средневековья, здесь феодальные традиции не умирали [37, р. 1027].

На этом фоне земля хотя и продолжала играть роль одной из ведущих ценностей, постепенно утрачивала прежнюю роль творца привилегий. Право на дарование титула переходило исключительно в ведение короны [См.: 17, с. 77-78]. Земля продолжала «держаться» от сеньора. «Размывая» земельное содержание в отношениях лорда, *mesne* лорда, и вассала, наш историк и в условиях абсолютистского государства находит изучаемый феномен. Отсюда, его логика, когда он утверждает, ссылаясь на Д. Росса, что «вплоть до эпохи Тюдоров сохранялся не только «бастардный», но даже «классический» феодализм» [16, с. 76].

Поиск А. Праздниковым случаев названного «феодализма» ведётся путём арифметических подсчётов имён участников «войн роз» на основе умозрительного заключения о всеобщности распространения феномена «по горизонтали и вертикали» [16, с. 75], во времени и пространстве средневековья. «Те из них, которые могут быть отнесены к *любым* проявлениям «бастардного феодализма», прослеживаются в незначительной степени <...> они охватывают лишь около 14% среднего и мелкого дворянства» [16, с. 76]. Такой цифрой автор разочарован. Однако у него имеется объяснение подобному результату – это прежде всего скудость источников, следует ссылка на упоминавшегося М. Хикса (без упоминания страницы), который *предположил* (везде курсив мой – В.З.), что письменные договоры не заключались с людьми из ближайшего окружения и личными слугами, и фиксировали лишь «экстраординарные» случаи. Поэтому их незначительное количество [16, с. 77] не может служить доказательством слабости распространения связей на основе *личной зависимости* (может быть, патронажно-клиентальных отношений? - В.З.).

Ещё одной причиной незначительности результатов подсчётов, продолжает автор, является то, что большую часть армий лордов

составляли не люди из их ближайшего окружения (тогда скорее люди из *отрядов лордов*, масштабы более уместные – В.З.), а *арендаторы*, то есть те, кто жил на территории их поместий на условиях, отличных от рыцарской службы. Если *допустить*, что это были простые арендаторы (мелкие дворяне и лица статусом ниже), то отсутствие о них сведений в «серийных» источниках вполне объяснимо. Они не были вовлечены в «активные социально-политические отношения на местах». Отказать же лорду в периоды обострения политической борьбы не могли, тем более военная служба оплачивалась (на условиях *indenture system?* – В.З.) [16, с. 77]. Вывод – масштабы «бастардного феодализма» всё-таки были значительнее, чем показывают «точно установленные факты», но при этом последние не объясняют участие в Войнах Роз даже половины известных лиц [16, с. 77]. Интерпретация автором скудных результатов подсчёта впечатляет, и, если источник молчит, тем хуже для источника.

Для большей убедительности подсчётов наш автор в паутину «бастардного феодализма» помещает и так называемые хаузхолды. Данное понятие используется для обозначения окружения лорда. Специальные исследования по хаузхолду лордов отсутствуют. Однако по аналогии с королевским хаузхолдом, изученного Е. Бакадиной [1, с. 47-109], мы имеем представление о его структуре, функциях и составе его членов. Институт делится, как правило, на две части - палату для демонстрации великолепия окружения лорда (репрезентативные функции) и дом, отвечающий за снабжение и поставки продовольствия, это «высшие» и «низшие» ступени хаусхолда. Слуги хаусхолда представлены фигурами *ministers*, связан с особыми судебными полномочиями и *servaunts* - все категории слуг лорда в самом широком смысле. *Laborer* – слуга низшего ранга, «другие семь грумов, именуемых *laborers*, должны быть назначены для уборки, ношения воды, поддержания огня и других необходимых вещей». Возможно, все слуги подразделялись на две категории – камергеры, йомены, привратники; грумы и работники (*laborer*).

Слуги хаусхолда имели и военные обязанности. Не только оруженосцы, но и секре-

тари, йомены, грумы и другие с самых верхних слоёв до низших отправлялись в военные походы. Слуги (королевского! – В.З.) хаусхолда возглавляли собственные отряды, под своим знаменем собирали арьер-вассалов. Хаусхолд Эдуарда IV представлял типичную модель институции, не выделялся из череды ему подобных [1, с. 98-99, 101].

Ближайшее окружение Хемфри Стаффорда, графа Бекингема, которое описывает наш автор, по сути, хаузхолд графа, в разное время периода 1436-1457 годов насчитывало от 56 до 129 человек. Этот единственный пример сопровождается замечанием, что домохозяйство графа представлял собой королевский двор в миниатюре. Всех его участников автор зачисляет в ливрейные слуги, то есть по договору *indenture system*, в том числе чемберлена, стюарда, казначея. Да, члены хаусхолда могли в случае необходимости нести и военные обязанности, но едва ли с ними заключали на этот случай договор, дающий статус ливрейного. Сам автор в своей статье от 2011 года окружение одного из лордов-«изменников» никак не называет ливрейными слугами [16].

Вернёмся к единственно надёжным свидетельствам присутствия феномена в английском обществе того времени – правовым памятникам. Законодательство о ливреях подтверждает юридически законным существование ливрей и рождено борьбой джентри за своё место в обществе. Правовые акты являются косвенным воплощением в провинции порядков, позже названных «бастард феодализмом». Но не только, нечто и другим. Содержание законодательства о нарушениях судопроизводства в графствах, злоупотреблениях шерифов, борьба вокруг законов о выборах депутатов нижней палаты означают контрапункты социально-политической ситуации в стране, объясняют столь активное правотворчество в стенах нижней палаты парламента.

Английское графство при слабых королях (Ричарде II, Генрихе VI, правление сильного Генриха V было недолгим) стало местом противостояния трёх сил – королевской власти, магнатов и общин. Такой подход вполне коррелируется с определяющим, известным в британской историографии трендом социально-политического развития общества в XV в. – противостоянием лордов и джентри в

условиях нестабильности королевской власти. Несомненно, следует согласиться с наблюдениями английских историков о соотношении расцвета практики «бастардного феодализма» и периодического ослабления королевской власти в XIV-XV вв., при сильных королях «бастардный феодализм» не мог получить развития [32, р. 23; 33, р. 15-106].

Закон о выборах 1429 г. пытается исключить любую возможность расширения состава ливрей за счёт людей «небольшого состояния» или вообще «его не имеющего». Попыткой ограничить социальный состав свиты на выборах депутатов, сделать ливрею «законной», стала норма, признающая в рядах избирателей только «статусных» лиц – обладателей определённого имущественного ценза и ценза оседлости и фригольдерского держания [38, р. 243]. Избирательный закон 1445 г. – ещё одна попытка решить проблему присутствия на выборах в графстве ливрей, вводит социальный ценз для кандидатов в депутаты парламента, ими могут избираться лишь рыцари, сквайры и джентльмены по рождению, то есть лица дворянского звания [38, р. 342]. По сути, желание избавить процедуру избрания от физического присутствия маргинальных групп «незаконных» ливрей, ограничив, таким образом, деструктивную роль ливрей как орудия лордов в конкретной ситуации выборов. Объединяет все рассмотренные законы произвол на местах. В тени узаконенных ливрей, очевидно, наблюдаем только их подобию.

Модель столкновения трёх сил – магнаты – общины в графствах – королевская власть так или иначе присутствует в британской историографии истории Англии XV в. Макфарлан декларирует благотворность существования ливрейных свит для стабилизации общества в силу того, что в стране власть поделена между короной, лордами и коммонерами. Разделение ответственности между нобилем и джентри обеспечивало на местах очень важные для тех и других интересы. Сложно принять категоричность английского историка, утверждающего, что «обладание ливреей делало лорда мощным регулятором социального поведения общества» при том, что учёный отдаёт дань признания тем «проницательным» джентри, которые отказывались слепо следовать за магнатами, ведших

их к краху [6, с. 5-6]. Очевидно, роль общин того времени недооценивается.

Не случайно ученики и последователи мэтра большее внимание уделили месту и роли джентри в истории столетия. Д. Харрис замечает, что исследование джентри так же важно, как и изучение аристократии. Он считает, что увеличение удельного веса неродовитого дворянства, джентльменов, сквайров, рост числа йоменов означало появление нового слоя населения, накопившего богатства и желающего иметь доступ к власти. Историк считает, что этот слой землевладельцев был не зависим от баронов в своих отношениях с властью [26]. Исследование К. Карпентер джентри Уорвикшира при позитивной оценке многочисленных неформальных связей между лордами и джентри более сдержанно оценивает роль аристократии в политической жизни страны [6, с. 16-17]. Изучение самых разных аспектов существования сословия, внутренние связи повседневности и управления в графствах в межличностных контактах, расходящихся «концентрическими кругами» от лорда, формируют новую идентичность джентри.

В данном контексте интересны наблюдения Б. Монтгомери за поведением участников восстания Джека Кэда через призму политических ценностей джентри. Историк называет восстание вызовом существующим порядком, что создаёт феномен «лояльного восстания» [34, р. 581]. Почему ополчение считало возможным выступить «лояльно» против власти? Политическая жизнь королевства обычно была закрыта для коммонеров, так как они не были вооружены. Средневековое же общество, по крайней мере, теоретически приравнивало ношение оружия к праву политического голоса. Ношение оружия, военная сила, таким образом, давало право политического голоса, одновременно делало его обладателя социально значимым. Субъект этого права, носитель оружия, становился ответственным за политический порядок в стране.

Действительно, сословие джентри в истории средневековой Англии всегда играло особую роль. Щитовые деньги первого короля анжуйской династии сделали мелких рыцарей ближе к пониманию реальных нужд общества, отодвинув на второй план эфемерность статуса. Место, которое они занимали

в повседневной жизни графства, их роль в системе местного судопроизводства и управления, формировало чувство ответственности перед обществом.

Заключение (выводы). История «бастардового феодализма» - не процесс «разложения феодализма», не обыденная история взаимоотношений лордов и джентри. В ней начинают проследиваться процессы эволюции содержания, методов и механизмов формирования принципов взаимоотношения королевской власти и подданных кануна станов-

ления абсолютистского государства. Уже в середине столетия в общественном мнении королевства встречаем образ правителя, окружившего себя толковыми, думающими советниками [39, р. 11, 214, 216]. Идея взаимных обязанностей власти и общества, в целом чуждая аристократии, уже существовала в английском обществе. И первым полем битвы построения такого государства становятся графства страны и королевский Совет [19, с. 121-122; 3, с. 247-249]. Исторически особое место и роль в английском обществе сословия джентри породили рассмотренный феномен.

Список литературы

1. Бакалдина Е.В. Департаменты, службы и должности в хаусхолде Эдуарда IV // Королевский двор в Англии XV- XVII веков / Ред. и сост. С.Е. Фёдоров. СПб., 2011. - 386 с. (Труды исторического факультета СПбГУ. Том 7). С. 47-109.
2. Браун Е.Д. Войны Роз: История. Мифология. Историография. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 208 с.
3. Гай Д. Эпоха Тюдоров (1485-1603) // История Великобритании / Под ред. Моргана К.О. М.: Весь мир, 2008. С. 237-301.
4. Дубровский И.В., Уваров П.Ю. Феод, сеньория и вассалитет // Всемирная история. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока / Отв. ред. тома П.Ю. Уваров. М.: Наука, 2012. С. 25-32.
5. Золотов В.И. Избирательные законы 1429 г. и 1445 г. в Англии (социально-политический аспект) // Власть и политическая культура в средневековой Европе / Отв. ред. Е.В. Гутнова. М.: ИВИ РАН, 1992. С. 206-216.
6. Золотов В.И. К.Б. Макфарлан и современные подходы к изучению социальной истории Англии XV века [1995] // Золотов В.И. Английское общество XV века на пороге перемен. Брянск: Новый проект, 2022. С. 5-17.
7. Золотов В.И. Горизонтальные и вертикальные связи социальных общностей в позднесредневековой Англии [1999] // Золотов В.И. Английское общество XV века на пороге перемен. Брянск: Новый проект, 2022. С. 28-38.
8. Золотов В.И. Общество и власть в позднесредневековой Англии XV века. Брянск: Курсив, 2010. – 232 с.
9. Золотов В.И. Затянувшееся немирье мира джентри // Средние века. 2017. № 78 (3). С. 213-217.
10. Золотов В.И. Современники и подданные короны Англии XV в.: образы власти // Блуменау С.Ф., Золотов В.И. и др. Социокультурные трансформации в переходные периоды истории / Под. ред. А.В. Сагимбаева. Брянск: РИСО БГУ, 2021. С. 5-13.
11. Косминский Е.А. Вопросы аграрной истории Англии в XV в. // Вопросы истории. 1948. № 1. С. 59-76.
12. Косминский Е.А. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.-Л., 1947. Гл. VI.
13. Моррилл Д. Стюарты (1603-1688) // История Великобритании / Под ред. Моргана К.О. М.: Весь мир, 2008. С. 303-320.
14. Писарев Ю.И. К вопросу о характере и составе свит английских феодалов первой половины XIV в. // Вестник МГУ. История. 1972. № 3.
15. Писарев Ю.И. Место служилого рыцарства в социально-политической жизни Англии XIV в. // Средние века. 1973. № 37.
16. Праздников А.Г. К вопросу о «бастардном феодализме» // Средние века. 2020. № 81(1) С. 72-78.
17. Фёдоров С.Е. Раннестюартовская аристократия (1603-1629). СПб.: Алетейя, 2005. – 525 с.

18. Филиппов И.С. Размышления о книге С. Рейнольдс «Феодалы и вассалы» и её восприятие в современной медиевистике // *Средние века*. 2015. № 76 (3-4). С. 8-57.
19. Штокмар В.В. История Англии в средние века. СПб.: Алетейя, 2003 [1973]. – 203 с.
20. Bellamy J.G. *Bastard Feudalism and Law*. 1989.
21. Cam H.M. *The decline and fall of English Feudalism* // *History*. 1940. V. XXV. № 99.
22. Carpenter C. *The Beauchamp affinity: a study of bastard feudalism at work* // *EHR*. 1980. V. XCV. N 514.
23. *Chronica monasterii S. Albani. Annales Monasterii S. Albani, a Johanne Amundesham, monacho* / Ed. H.T. Riley. V. I. L., 1870.
24. Dunham W.H. *Lord Hastings' Indentured Retainers, 1461-1483. The Lawfulness of Livery and Retaining under the Yorkists and Tudors*. New-Haven (Conn.). 1959.
25. J. Fortesque. *The Governance of England* / Ed. C. Plummer. Oxford, 1885.
26. Harris J. *Introduction* // K.B. McFarlane *England in the Fifteenth Century. Collected Essays*. L., 1981.
27. Hicks M. A. *The 1468 Statute of Livery* // *Historical Research*. 1991. V. 64. N. 153. P. 15-28.
28. Holmes G. *The Estates of the Higher Nobility in Fourteenth century England*. Cambridge, 1957.
29. Jolliffe J.E. *The Constitutional History of England*. N.Y.-L., 1937.
30. Lander J.H. *Conflict and Stability in Fifteenth-Century England*. L., 1969.
31. McFarlane K.B. «Bastard Feudalism» // *The Bulletin of Institute of Historical Researches*. V. XX. N. 61. 1945.
32. McFarlane K.B. «Bastard feudalism» // *England in the Fifteenth Century*. L., 1981 [1945].
33. McFarlane. *The Nobility of Later Medieval England*. Oxford, 1973.
34. Montgomery B. *Armed Force and Civil Legitimacy in Jack Cade's Revolt, 1450* // *EHR*. V. 68. N 477. 2003.
35. Powick M. *Military Obligation in Medieval England*. Oxford, 1962.
36. Prince A.E. *The Indenture System under Edward III* // *The Historical Essays in Honour of James Tait*. Manchester, 1933.
37. Ross J. *The English Aristocracy and Mesne Feudalism in the Late Middle Ages* // *EHR*. 2018. V. 133. N 564. P. 1027-1059.
38. *The Statutes of the Realm*. V. II. L., 1816.
39. Walker S. *Political Culture in Later Medieval England* / Ed. M.J. Braddick. Manchester, 2006.

SOCIAL ASPECTS «BASTARD FEUDALISM» IN HISTORY ENGLAND SOCIETY ON THE LATER MIDDLE AGES

This article is dedicated to a try to comprehend the concept «bastard feudalism» and the reality behind it. The history of the concept and its content are traced. Within the context of scientific-theoretical level of modern historical research relevance of traditional political and legal approaches is evaluated. The fruitfulness of the research base is explained. Using legal acts, author analyzes routine of social confrontation within counties of England. In XIV-XV centuries, House of Commons tried to regulate practice of applying livery's law to fight against oppressive magnates at local level, in order to provide effective functioning of counties' administration and to master implementation of laws on elections for the House of Commons. Legal practices for countering violations of laws against livery are analyzed sequentially. These practices are realized in limiting the established tradition of magnates' ignoring of the legal system and authority's exercise of powers in the county. Nature of the conflict of main country communities' social interests is defined. The article sheds light on interest's confrontation between gentry, lords and royal Council in the beginning of forming absolute monarchy's elements and originating basis of cooperation among gentry and the Crown, when society formed new concepts of place and role of monarch, new identity of main social groups. A concept of relationship comprehensiveness based on «bastard feudalism» for the Later Middle Ages and disregard for diversity of vertical and horizontal relations in society, their mechanisms and content are evaluated critically.

Keywords: livery, «bastard feudalism», gentry, county, elections in the UK, county administration

References

1. Bakaldina, E.V. (2011). Departamenti, sluzhbi i dolzhnosti v khauskholde Eduarda IV. Korolevskiy dvor v Anglii XV- XVII vekov / Red. i sost. S.E. Fyodorov. SPb., - 386 s. [England Royal Court XV-XVII century]. Trudi istoricheskogo fakulteta SPbGU. [*Transactions of historical faculty St-Peterburg University*]. 7. S. 47-109.
2. Braun, E.D. (2016). Voiny Roz: Istorija. Mifologija. Istoriografija. M.-SPb. [Wars of Roses. History. Mythology. Historiography]. 208 s.
3. Gay, D. (2008). Epokha Tyudorov (1485-1603) [Tudor's Epoch] // Istorija Velikobritanii / Pod red. K.O. Morgana. [Great Britain History] M.: Ves mir, 2008. S. 237-301.
4. Dubrovskiy, I.V., Uvarov, P.Yu. (2012). Feod, sen'oria i vassalitet. [Feod, manor, vassalage]. *Vsemirnaya istoria. T. 2. Srednevekovie tzivilizatzii Zapada i Vostoka*. Otv. red. P.Yu. Uvarov. M.: Nauka. S. 25-32.
5. Zolotov V.I. (1992) Izbiratel'nye zakony 1429 g. i 1445 g. v Anglii (social'no-politicheskij aspekt) [Electoral laws of 1429 and 1445 in England (socio-political aspect)] // *Vlast' i politicheskaya kul'tura v srednevekovoj Evrope* / Otv. red. E.V. Gutnova. M.: IVI RAN, 1992. S. 206-216.
6. Zolotov, V.I. (2022). K.B. Makfarlan i sovremennye podkhodi k izucheniyu sotzialnoy istorii Anglii XV veka [1995]. [K.B. McFarlane and modern approaches to studies England history XV century]. Zolotov V.I. *Angliyskoe obschestvo XV veka na poroge peremen*. [English Society XV century at the threshold of transition]. Bryansk: Noviy proekt, 2022. S. 5-17.
7. Zolotov, V.I. (2022). Gorizontálne i vertikalne svyazi sotzialnikh obzchnostey v pozdnesrednevekovoy Anglii [1999]. [Horizontal and vertical ties of social groups In Late Medieval England]. Zolotov V.I. *Angliyskoe obschestvo XV veka na poroge peremen*. Bryansk: Noviy proekt, 2022. S. 28-38.
8. Zolotov, V.I. (2010). Obschestvo i vlast' v pozdnesrednevekovoy Anglii XV veka. [The Society and Rule Late Medieval England XV century]. Bryansk: Kursiv, 2010. – 232 s.
9. Zolotov, V.I. (2017). Zatyanusheesya nemir'e mira dzhentri. [Continuous unpeaceable jentry universe]. *Srednie veka*. [Studies on Medieval History]. 2017. N 78 (3). S. 213-217.
10. Zolotov, V.I. (2021). Sovremenniki i poddannye koroni Anglii XV v.: obrazi vlasti. [Contemporaries and subjects of England crown: shapes of power]. Blumenau S.F., Zolotov V.I. et al. *Sotziokulturnie transformatzii v perekhodnie periodi istorii*. [Blumenau S.F., Zolotov V.I. et al. Sociocultural transformations during transit time]. Pod red. A.V. Sagimbaeva. Bryansk: RISO BGU, 2021. S. 5-13.
11. Kosminskiy, E.A. (1948). Voprosi agrarnoy istorii Anglii v XV v. [Problems of agrarian history England XV century]. *Voprosi istorii*. [Problems of history]. 1948. N 1. S. 59-76.
12. Kosminskiy, E.A. (1947). Issledovaniya po agrarnoy istorii Anglii XIII v. [Studies on agrarian history England XIII century]. M-L., 1947. Glava. VI.
13. Morrill, D. (2008). Styuarti (1603-1688). *Istorija Velikobritanii* Pod red. K.O. Morgana. [Great Britain History] M.: Ves mir, 2008. S. 303-320.

14. Pisarev, Yu.I. (1972). K voprosu o kharaktere i sostave svit angliyskikh feodalov pervoy polovini XIV v. Vestnik MGU. Istoria. 1972. N 3. [Questions of nature and composition English feudalist retinues during first part XIV century. Herald of Moscow State University. History.
15. Pisarev, Yu.I. (1973). Mesto sluzhivogo ritzarstva v sotzial'no-politicheskoy zhizni Anglii XIV v. [The knighthood post on social-political life England XIV century] // Srednie veka. [Studies on Medieval History]. 1973. N 37.
16. Prazdnikov, A.G. (2020). K voprosu o «bastardnom feodalizme» [To question about “bastard feudalism”] // Srednie veka. [Studies on Medieval History]. 2020. N 81(1). S. 72-78.
17. Fyodorov, S.E. (2005). Rannestuyartovskaya aristokratia (1603-1629). [Aristocracy of Early Stuart Period]. SPb. – 525 s.
18. Filippov, I.S. (2015). Razmishlenia o knige S. Reinolds «Feodi i vassali» i yeyo vospriyatiye v sovremennoy medievistike [Reflections on S. Reindols “Feods and vassals” and its interpretation in current studies medieval history] // Srednie veka. [Studies on Medieval History]. 2015. N 76 (3-4). S. 8-57.
19. Shtokmar, V.V. (2003). Istoria Anglii v srednie veka. [England Medieval History]. SPb.: Aleteya, [1973]. – 203 s.
20. Bellamy J.G. (1989) Bastard Feudalism and Law.
21. Cam H.M. (1940) The decline and fall of English Feudalism // History. V. XXV. № 99.
22. Carpenter C. (1980) The Beauchamp affinity: a study of bastard feudalism at work // EHR. V. XCV. N 514.
23. Chronica monasterii S. Albani. Annales Monasterii S. Albani, a Johanne Amundesham, monacho / Ed. H.T. Riley. V. I. L., 1870.
24. Dunham W.H.(1959) Lord Hastings' Indentured Retainers, 1461-1483. The Lawfulness of Livery and Retaining under the Yorkists and Tudors. New-Haven (Conn.).
25. J. Fortesque. (1885) The Governance of England / Ed. C. Plummer. Oxford.
26. Harris J.(1981) Introduction // K.B. McFarlane England in the Fifteenth Century. Collected Essays. L.
27. Hicks M. A.(1991) The 1468 Statute of Livery // Historical Research. V. 64. N. 153. P. 15-28.
28. Holmes G.(1957) The Estates of the Higher Nobility in Fourteenth century England. Cambridge.
29. Jolliffe J.E.(1937) The Constitutional History of England. N.Y.-L.
30. Lander J.H. (1969) Conflict and Stability in Fifteenth-Century England. L.
31. McFarlane K.B. (1945) «Bastard Feudalism» // The Bulletin of Institute of Historical Researches. V. XX. N. 61.
32. McFarlane K.B. (1981) «Bastard feudalism» // England in the Fifteenth Century. L., 1981 [1945].
33. McFarlane. (1973) The Nobility of Later Medieval England. Oxford.
34. Montgomery B. (2003) Armed Force and Civil Legitimacy in Jack Cade's Revolt, 1450 // EHR. V. 68. N 477.
35. Powick M. (1962) Military Obligation in Medieval England. Oxford.
36. Prince A.E. (1933) The Indenture System under Edward III // The Historical Essays in Honour of James Tait. Manchester.
37. Ross J. (2018) The English Aristocracy and Mesne Feudalism in the Late Middle Ages // EHR.V. 133. N 564. P. 1027-1059.
38. The Statutes of the Realm. V. II. L., 1816.
39. Walker S. (2006) Political Culture in Later Medieval England / Ed. M.J. Braddick. Manchester.

Об авторе

Золотов Всеволод Иванович – доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет (г. Брянск). E-mail: viz.volic@yandex.ru.

Zolotov Vsevolod Ivanovich – Doctor of Sciences in History, Professor, Bryansk State University. E-mail: viz.volic@yandex.ru.